

Яна ЖЕЛТОК

Прогулки по Вене

свои фуражки и покинули поезд. Громкоговорители попрощались с пассажирами и пожелаали счастливой дороги.

Навстречу мчались поля с гигантскими устрашающими ветряками. За ними пошли симпатичные дачки. Крошечные домики с микроучастками, отгороженные друг от друга выстриженными из кустарника заборами. Внутри — живописное хвойное дерево, мангал, надувной бассейн и парочка детских радостей типа пластиковой горки или игрушечного трактора. Летом взрослые жарят тут барбекю и сосиски, их отпрыски плещаются в бассейне, а когда приходит вечер, вся компания погружается в автомобили и возвращается в город, потому что заночевать в столь крошечном домике можно разве что одному.

Австрия поздоровалась со мной, когда в купе вошел новый проводник и сказал на отличном хождойч:

— Ihre Fahrkarte, bitte! (то бишь: "Ваши билеты").

(В исполнении его чешского коллеги это выглядело примерно так: "Пржи-пши-пржич-ш, пани".)

Ура! Теперь можно стать участницей бес- смертного диалога:

— Bitte schoen! (Вот пожалуйста-пожалуйста!)

— Danke schoen! (Ну, спасибо-спасибо!)

Где мой отель?

Собственно, говорить на немецком мне пришлось гораздо интенсивнее, чем я ожидала. Почему-то казалось, что Вена — городишко ма-а-а-лю-ю-юсенький! Который легко обойти пешком.

Наш друг Евгений Деменок, на собрании "Зеленой лампы" услышав, что я собираюсь в путешествие, предложил нарисовать карту Вены. И нарисовал за пять минут! Причем там были и Стефансдом, грандиозный готический собор в самом центре Вены, и улица Мариахильфер, рядом с которой стоит моя гостиница, роскошный музей Истории искусства, памятник Советскому Солдату и Ринг, кольцо вокруг исторической части города, по которому движутся первый и второй трамвай.

Карта Жени Деменка еще раз подтвердила мою догадку о том, что еду я в город небольшой.

А значит, достаточно точного адреса, чтобы найти гостиницу. Поэтому страницу с броней я распечатала, а страницу с пояснениями, как добираться туда из разных точек, — не стала.

Уже в поезде я обнаружила, как ошиблась. Вена — огромный многоэтажный город.

Хорошо, что венцы, привыкшие к толпам туристов, отвечают на вопросы подробно и терпеливо, а на станциях, где останавливаются международные поезда, есть окошки "Информация". Кроме того, там имеются очень полезные справочные офисы, отвечающие за движение по железной дороге.

Все равно в тот день мне пришлось огорчить человек двадцать названием маленького переулка, который я искала.

О чем говорит венский индекс

Интересно, что рядом с венским адресом всегда — даже на сайтах в Интернете — стоит индекс. В Вене 23 округа, и первые две цифры индекса указывают округ, в котором находится дом. В Вене я поняла, что индекс — вещь, которая может быть полезна не только почтальону, но и обычному человеку.

"В Вене два миллиона жителей, поэтому я не знаю названия всех переулков, но судя по индексу, переулок находится в 15 округе, значит, вам нужно сестра на 18 трамвай", — объяснил мне венский житель и махнул в сторону остановки.

18 трамвай

В Одессе 18 трамвай идет на Большой Фонтан. Леонид Утесов спел в свое время об этом маршруте: "В твой дальний край идет трамвай, и весь твой путь до шестнадцатой станции". "Случай в 18 трамвае" — рассказ, который написала Яна Желток. В Праге 18 трамвай идет по Старому Месту. Увидела его и порадовалась.

На остановке "Южный вокзал", рядом со входом в Бельведер, я села в венский 18 трамвай, а он возьми да и нырни под землю! И вот уже третью-четвертую-пятую станцию мы едем под землей, по тем же самым рель-

сам, по которым идут вагоны метро и международные поезда вроде того, на котором я добралась сюда. Движемся в трубе, в темноте, в вене.

Белочка в хаки

Пора бы снова спросить. Но где выйти? Объявили следующую остановку: Айхенштрассе.

"Айхен" по-немецки дуб, "айххёрнхен" — белочка. Я решила, что если выйти на Дубовой улице, велика вероятность встретить Добрую Белочку, которая покажет дорогу. Так и случилось! Правда, Добрая Белочка оказалась лысой, долговязой, в золотых очках и в форме цвета хаки!

Но все по порядку. Кто-то из местных открыл мне, что на каждой станции метро в окошке сидит "мужчина, который знает все".

Человек в хаки, сидящий за стеклом лицом к народу, был занят важным делом. Перед ним лежала яркая, как альпийский лужок, пластиковая дощечка, помидор и кусок ветчины. Он уже занес над розовым мясом свой острый треугольный ножичек, когда перед его взором возникла с криками о помощи пишущая эти строки я. Гастрономическое удовольствие, а с ним и статью о жирафах, которая красовалась на столе, пришлось оставить. Человек пригласил меня войти.

Неожиданно я оказалась на теплой кухне. У стены — кухонные шкафчики, над ними — труба отопления, на столе в глубине сцены — еще один журнал, на этот раз для взрослых, не с жирафом, а с томной девицей. Вау.

На кухне было тепло, на улице — холодно, поэтому я сразу почувствовала себя чудесно в Вене. Человек в хаки достал книгу с названиями всех улиц. Он искал название переулка так долго, что я начала подозревать: моего переулка не существует в принципе. Жить мне сегодня под мостом! Но нет. Нашлось название. А вот и квадрат на карте, где расположился переулок. Наконец, и сам он отыскался, с боку-припеку. В самом конце Мариахильфер, рядом с Западным вокзалом.

Еще человек в хаки рассказал, что туристы — не главная его забота, а одна из многих, ведь он отвечает за все дела на станции.

Мы распрощались, Добрая Белочка вернулась к своей дощечке и наконец-таки отпилила себе ломтик ветчины. Guten Appetit!

Спроси велосипедиста

Последний человек, которому я назвала адрес в это день, был велосипедистом. Вена — город велосипедистов. Руководство Вены наметило к 2015 году довести количество велосипедного транспорта до 8%. Мариахильферштрассе — самая "велосипедизированная" улица Вены. Тут 20% всего транспорта составляют велосипеды.

Моя гостиница находилась как раз рядом с Мариахильфер. Увидев велосипедиста, я решила: "Раз человек приехал на велосипеде, — он должен приблизительно ориентироваться в местных переулках". И решительно двинулась к парнишке, который прикручивал велик к стойке. Велосипедист действительно знал, где!

В гостинице я познакомилась с юной соседкой Камико из Токио, которая жевала сендвич и рассматривала большую карту Вены (только что на ресепшн мне выдали точно такую, ура!). Нашла свою кроватку. Поставила под нее запасную пару носочков и отправилась на встречу с прекрасным.

Рассматриваю Брейгеля

Один из друзей настоятельно советовал посетить в Вене Альбертину. Альбертина — это самое большое собрание графики в мире. Среди великолепного великолепия именно там сидит нежнейший зайчик Дюрера. Пыль с тончайших волосков его мордочки сдувают специальными щеточками. Единственная очередь, которую я лицезрела в австрийской столице, выстроилась рядом с Альбертиной в воскресенье.

Если бы в одесской Горьковской библиотеке была книга про Альбертину, я, возможно, последовала бы совету того, кто понимает. Но в библиотеке мне выдали книгу про Музей истории искусства.

И сразу стало ясно, что жизни нет без это-

го музея. Попасть туда надо обязательно и пойти туда надо сразу. Потому что там живет Питер Брейгель-старший с его "Детскими играми", "Вавилонской башней" и "Охотниками на снегу". Плюс Рафаэль, Рембрандт, Тициан, Рубенс, Дюрер и даже одно полотно Вермеера.

Протопаф по усаждающей шоперов улице Мариахильфер, запомнив пару книжных магазинов и несколько рюкзачков на витринах, я добралась до площади Императрицы Марии Терезии. Среди куличиков в два человеческих роста, выстриженных из кустарника, по левую и правую руку императрицы стояли и глядели друг на друга Музей естественности и Музей истории искусства. Дворцы настолько роскошные, что к финалу их строительства в конце XIX века государственная австрийская казна опустела. Зато появились мраморные лестницы с мраморными же скульптурами, гранитные стены и росписи Климта где-то под потолком. В центре Музея истории искусства — под куполом — стояли столики, между которыми плавали официанты в крахмальных фартуках. Лучики света выхватывали в полумраке букетики цветов, сахарницы и салфетки. В этом кафе ужасно хотелось прилуниться.

Однако я пришла сюда, не для того чтобы пить кофе! А зачем? Этот вопрос несколько раз возник перед моим путешествием. За чем в принципе надо идти в музей, если все картины есть в книгах и в Интернете? Ответ довольно прост. Цвета и оттенки на репродукциях в книгах никогда или почти никогда не совпадают с оригиналом. Многие детали просто-напросто исчезают на фотографиях.

Зато тот, кто нашел "Охотников на снегу" и замер перед полотном, будет вознагражден. Каждый — чем-то своим. Подарком для меня стал взгляд одной из собак, которая остановилась и умными глазами вперилась в наблюдателя. Ни на одной открытке, ни на одной репродукции не видно этих глаз!

В Музее истории искусства я встретила папушу, который путешествовал по огромному дворцу с двумя крошечными сыновьями. Одному было года два, второму — лет пять. И вот старший, проходя насквозь залы, наполненные шедеврами из коллекции Габсбургов, повторял, обращаясь к отцу:

— Wiederkommen! Wiederkommen!

То есть "Придем снова, надо прийти снова!".

Вот и я теперь хожу и вспоминаю: видеркоммен, видеркоммен. Надо вернуться. Надо вернуться.

Комната для девочек, где живут путешественницы

Надо сказать, что поселилась я не в отеле, а в хостеле — гостинице для молодых путешественников. Хостел похож на плацкарт, — двухъярусные кровати и полно "пассажиров" — по шесть, десять, двенадцать человек в небольшой — метров пятнадцать — комнате. Мне повезло, я забронировала место, а потом заснула в комнате для восьми девочек. Здесь были четыре двухэтажные кровати, шкаф хранения для ценностей и душ с туалетом за стеной. Ночевка в комнате стоит пятнадцать евро. Забронировать местечко можно через Интернет, правда, для этого нужна банковская карточка с выгуклыми циферками.

Мне казалось, что ночью часть кроватей должна остаться свободными. Не тут-то было! Одна за одной все многонациональные девочки вернулись с прогулок, все койки на двухъярусных кроватях заполнились.

Перед сном соседки мои не разговаривали. Кто-то читал. Кто-то смотрел в компьютер. Часов в десять улеглись. Моя соседка сверху — Камико из Токио — уже давно спала, укрывшись одеялом с головой.

Всю ночь девочки вздыхали. Что-то падало и шелестело. Кто-то умудрился поставить будильник на шесть. Будильник пропищал, хозяйка не проснулась.

Мы с Камико поднялись в семь, чинно раскланялись около душа и спустились к завтраку.

Сверья маршрут

На воскресенье я наметила утренний поход на блошинный рынок Нашмаркт, дом Хундертвассера и Бельведер. Пара книжных и рюкзачки тоже оставались в плане.

И тут — после овсянки с большим количеством фруктов и кофе с молоком — оказалось, что в воскресенье в Вене работают только музеи! Девушка на ресепшен несколько раз повторила невероятную фразу: "Alles ist geschlossen!" — "Все закрыто!".

Так я осталась без блошиного, книжного и магазина с рюкзаками. Ничего не подедаешь, по воскресеньям венцы тотально отдыхают!

Кривые полы Хундертвассера

Фридрих Стывассер — венец и наполовину еврей — чудом уцелел во время войны. Он жил с мамой, его тетью и бабушку фашисты сожгли в печке. Сын был для Эльзы Стывассер всем. При этом мама много лет пыталась отвести сына от профессии живописца. "Будешь всю жизнь голодать, если станешь художником!" — повторяла она снова и снова. В 19 лет сын удрал от мамыши в Париж, где действительно голодал. Ходил в гости пообедать и просил разрешения расстелить спальный мешок в углу на кухне, чтобы поспать. Выпрашивал у знакомых мелкие монетки, которые не тратил, но копил. Ходил с баночкой от фотопленки и просил знакомых наполнить баночку сахаром или маслом. Никто не отказывал. Месяцами питался чечевицей. Искал краски на помойке. Через пять лет такой жизни Хундертвассер дожил до первого контракта с галереей. Он купил старый автомобиль, дом без отопления во французской глуши и нарисовал плакат со словами: "Купил машину и дом, занимаюсь ремеслом художника". С этого момента успех преследовал человека, который из Фридриха Стывассера превратился в Хриденсрайха Хундертвассера.

Он писал манифесты, освежающие архитектуру. Считал, что наравне с людьми жильцами домов должны стать деревья. Утверждал, что долг каждого человека — посадить лес. Сажал деревья тысячами и уже в Париже начал выкупать (!) обремененные на вырубку растения. Рисовал разноцветные здания с кривыми — как в природе — полами и "танцующими" окнами разной величины.

Что из этого вышло? Множество веселых и пестрых построек — жилых домов, фабрик, детских садов и общественных туалетов — с пузатыми колоннами и золотыми куполами в Германии, Австрии, Японии и Новой Зеландии.

Дом Хундертвассера на Лёвенгассе в Вене — самая популярная достопримечательность города. Во всяком случае, такой плотности туристов нет ни в одном другом месте австрийской столицы. Интересно, в десяти минутах ходьбы по берегу Дуная, расположилось еще одно здание, сделанное по проекту Хундертвассера, — KunstHausWien. Внутри на трех этажах — музей Хриденсрайха Хундертвассера. Завабно, что тут не наблюдается никакой толчеи! Туристов совсем мало, про музей им почему-то никто не рассказывал. Заговор экскурсоводов?

По поводу кривых — как в природе — полов хочу сказать, что ходить по таким полам на каблуках чрезвычайно неудобно!

Объявление для собак

Вернувшись в Одессу, я стала вспоминать, а были ли в Вене кошки? Одесский воздух наполнен мыслями о кошках, а может быть, мыслями кошек. Кошки захватили Одессу. Возможно, это сами кошки хотели узнать про венских коллег. Кошек в Вене я не встречала.

А вот собак было много. И в основном, крупных.

Ожидая на конечной трамвай маршрута "0", на котором можно добраться от Дома Хундертвассера и KunstHausWien до Бельведера, я увидела объявление для... собак. Оно висело на двери парикмахерской на уровне человеческой лодыжки. Две симпатичные собаки на картонке и текст: "Нам не разрешено сюда входить!".

"Как трогательно здесь относятся к собачкам!" — решила я.

Das ist ein Labrador!

На одной из остановок трамвай номер "0" задержался. К трамваю торопилась компания с мороженым — две девушки и маленький мальчик. Успели! Расселись, довольные, на ближнем к выходу сиденье. Присмотревшись, я поняла, что одна из девушек — красавица-брюнетка — мама двух других пассажиров. Трамвай помчался, показывая дворцы в классическом стиле, строгие семи-восьмиэтажные здания. Среди зданий на пару секунд сверкнула красно-оранжевая церковь с золотыми куполами. Русская православная церковь — ни дать ни взять родная сестра собора Василия Блаженного.

На следующей остановке в трамвай нулевого маршрута с усилием поднялась старушка в плаще. Испуганно громко ойкнула. Потому что вслед за ней запрыгнул, толкнув старушку своим сытым боком, лабрадор.

Пес махал хвостом. Вокруг лабрадора носа был накинута поводок, который совсем не мешал ему улыбаться.

Мальчик у входа поднял ноги, скривился и запищал, указывая на собаку. Пес не обращал на него никакого внимания, тем более что в бок собаки уперся коленом ее хозяин — человек в бейсболке и спортивной куртке.

Старушка повернулась и предъявила свою претензию — собака без намордника!

— Das ist ein Labrador! — бодро ответил хозяин.

Мама мальчика поменялась местами с дочерью. Мама, как хищная птица, готовая атаковать, глядела на собаку.

— Das ist ein Labrador! — снова повторил хозяин.

Тут в дискуссию вступили сразу несколько пожилых дам. Интересно, что все они говорили на немецком с турецкими и арабскими акцентами. Про то, что вот же обнаглели собачники! С такой здоровенной тушей! Чуть не сбил старушку! — да еще без намордника набиваются в трамвай.

Мальчик пищал и кривился!

Народное волнение нарастало.

Посрамленный собачник и его бодрый пес выпрыгнули из трамвая на следующей остановке.

Через секунду я увидела абсолютно спокойного мальчика. Как ни в чем не бывало, он дожевывал свое мороженое.

Не думаю, что старушки успокоились так же быстро.

Как написал наш товарищ Павел Пепштейн:

Бросишь камень в малыша,

Всплакнет и успокоится.

Бросишь камень в старика,

Вообще не успокоится.

Орать в музее!

Навстречу промчался 18 трамвай. Я вышла на остановке "Южный вокзал", рядом с которой находится главный вход в Бельведер.

В главном зале Бельведера стоит табличка: "Теперь кричите как можно громче!". Поэтому в Бельведере все время кто-то вопит. И если ты проповишь действительно громко, желательным хором, откликнется камин, который повторит крик басом, а хрустальные люстры под потолком начинают зажигаться и тухнуть.

Бельведер — дворец, в котором находятся самые известные картины Густава Климта. Главный хит Климта — "Поцелуй" — тоже тут. В Бельведере я поняла, что Климт — слишком приторный гений для меня. Эгон Шиле с его экспрессионистским "Объятием" мне ближе. Шиле прожил всего двадцать восемь лет и написал массу очень современных полотен. Он месяц просидел в тюрьме за одну

из работ, которую эксперты сочли порнографией.

В Бельведере закончился мой роман с Климтом и начался роман с Эгоном Шиле.

Как меня обсчитали в Бельведере

В сувенирной лавке дворца Бельведер, заваленной платками, принтами, калейдоскопами и детскими татуировками с "Поцелуем", книгами о Шиле и Хундертвассере, в роскошном замке, в одном из самых прекрасных мест волшебного города меня обсчитали на три евро.

Двух маленьких зайчат, прикупленных вместе с кучкой других сувениров, пробили на кассе по цене больших. Ой!

Я не стала выяснять отношения, только еще немного побродила по светлой лавке, нарезая круги вокруг кассирши-азиатки с ассиметричным лицом. Кассирша с ужасом зыркнула на меня. Нет, мы не будем выводить вас на чистую воду, мадам. Зачем ссориться? Все равно пора уезжать.

Становлюсь венофилом

Между двумя дворцами Бельведера — Верхним и Нижним — на фотографиях и открытках можно видеть прекрасное озеро. Так вот, зимой и в начале весны никакого озера там нет. Пруд осушают, и по дну, припорошенному снегом, бегут физкультурники.

На днях мне попала в руки пачка "Венских вафель". Смотрю на картинку и вижу — Бельведер с озером. После путешествия я поняла чувства знакомых австрофилов. Теперь я сама — венофил. Хочу рассказывать про Вену, гулять по ее улицам, смотреть на ее дома...

Посадка в одесском аэропорту

В самолете на обратном пути меня развлекал сосед Борис Исаакович, который двигался из Хайфы в Очаков. Борис Исаакович уехал в Израиль в 1993-м году.

— Слышала, что в это время в Одессе был голод? — решила узнать я.

— Я ни в чем не нуждался, — мягко ответил Борис Исаакович.

Бывший начальник очаковской продовольственной базы угощал меня израильской халвой и развлекал неприличными анекдотами.

Самолет пошел на снижение. Самолет снижался уже минут десять, когда я увидела внизу линию моря и пирсы. Обнаружила под собой Ильичевский яхт-клуб. Самолет все снижался, берег стал уходить из виду, а вокруг были только волны, волны, волны.

"Все, сейчас жизнь моя закончится среди холодных волн", — решила я, отвернувшись от иллюминатора и стала молиться.

— Тебе лучше видно в том окне? — поинтересовался Борис Исаакович.

— Мне просто не нравится, когда вокруг одни волны, — ответила я.

— В жизни бывает один раз, когда не нравиться! — выдал очередной перл мой сосед.

Мы посмеялись. Через пять минут мы слова были над сушей, через десять — на ней.

Вена и наш солдат

Путешествие давно закончилось, но Вена не отступала. В середине весны по случаю 65-й годовщины Победы я написала для портала Одесса-дейли небольшую статью про Венскую операцию. Про 2-й и 3-й Украинский фронты, Родиона Малиновского и Федора Толбухина, которые очистили Вену от фашистов.

И чем ближе подходил День победы, тем сильнее нарастал ужас, когда я думала про войну. Потому что каждое сражение второй мировой, даже такое вроде бы легкое, финальное, как Венское, было настоящей мясорубкой. В каждом сражении погибали тысячи советских солдат. Вышел из мясорубки в Будапеште — есть шанс погибнуть в Варшаве. Выжил в Праге — погибай в Вене.

Почему Союз пошел на такую жертву? И вообще, нужно ли было освобождать Вену? Англичане и американцы ждали до последнего. Жалели своих людей. Наши легли костями. Проявили щедрость, которую невозможно оценить.

Поэтому тот факт, что кто-то выжил в той войне, как выжил мой сосед Илья Степанович, — настоящее чудо.

Сосед Илья Степанович занимается пилой дров. Есть у него набор инструментов замечательный и тележка на четырех колесах.

Как-то я встретила Илью Степановича в самый разгар августовской жары в Летнем переулке. Многие и моложе его в те дни лежали с головной болью в полном изнеможении. Гляжу, вот Илья Степанович на солнышке упавшее дерево распиливает. Всё ему ничем.

— Как же вы на самом солнцепеке работаете? — спрашиваю.

— А знаешь, какая жара была, когда мы Вену брали?! Градусов сорок. Может, пятьдесят. С этой жарой не сравнить! — ответил он.

Это был первый раз, когда Степанович вспомнил про Вену. Он очень скромный, немногословный. Въехал Илья Степанович в город на танке. В танке, понятно, жарко! И было ему всего-навсего 23 года.

В Вене русского солдата помнят. Стоит в центре города ему памятник золотой. Размеров внушительных. Венцы за этим памятником очень старательно ухаживают. Ну, и наш брат, русскоязычный турист, который в большом количестве по Вене гуляет, тоже заходит на своего пращура полюбоваться. Погостить за него и поудивляться.

